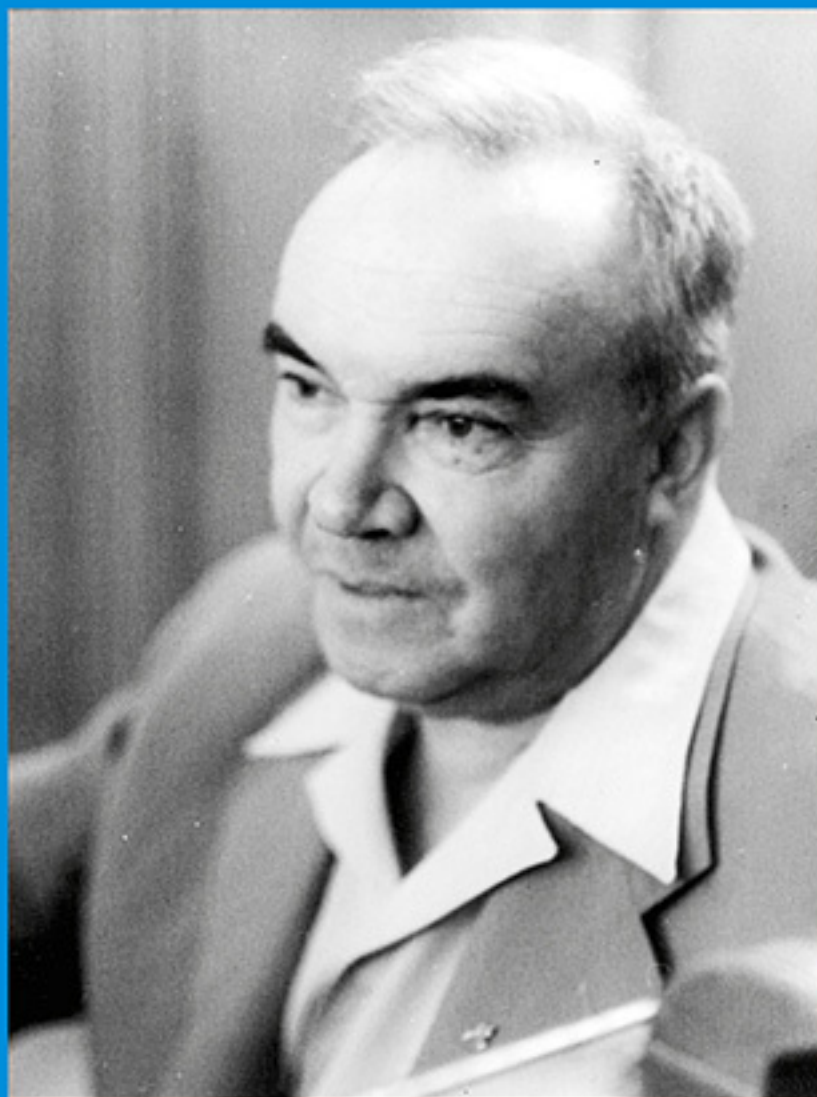

А.А. Формозов

**Александр
Николаевич
ФОРМОЗОВ**

Жизнь русского натуралиста

Москва 2006

Александр Формозов

**Александр Николаевич Формозов.
Жизнь русского натуралиста**

«Товарищество научных изданий КМК»

2006

УДК 574
ББК (Б) 20.1

Формозов А. А.

Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста /
А. А. Формозов — «Товарищество научных изданий КМК», 2006

ISBN 5-87317-331-7

В книге рассказано о жизни известного русского ученого-эколога и зоогеографа, профессора Московского университета Александра Николаевича Формозова (1899–1973). Он был писателем и художником-анималистом, автором выдержавших ряд изданий и до сих пор популярных книг «Шесть дней в лесах», «Спутник следопыта» и др.

УДК 574
ББК (Б) 20.1

ISBN 5-87317-331-7

© Формозов А. А., 2006
© Товарищество научных изданий
КМК, 2006

Содержание

От автора	6
Истоки. Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899–1917)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Формозов
Александр Николаевич Формозов.
Жизнь русского натуралиста

© А.А. Формозов, текст. иллюстрации, 2006

© Т-во научных изданий КМК, издание, 2006

От автора

В 1980 году в научно-биографической серии издательства “Наука” вышла моя книга “Александр Николаевич Формозов”. История ее такова. То, что среди людей, встретившихся мне на жизненном пути, мой отец был одной из самых интересных и ярких личностей, стало для меня ясно достаточно рано. Еще в 1965 году с рассказа о нем я начал свои “Записки русского археолога”. После смерти отца я принимал участие в разборке его архива, подготовке к печати его неопубликованных работ, читал очерки о нем, написанные коллегами и учениками. Там не все было точно, приходилось проверять и исправлять и даты, и факты. Тогда и возникла мысль о подробной биографии А.Н. Формозова.

Думала об этом и вторая жена Александра Николаевича – Варвара Ивановна Осмоловская. Она собрала его письма, посланные ей и другим адресатам, составила хронику его жизни за 1949-1973 годы. Студентка Биофака Горьковского университета Е.М. Абрашневая, готовя дипломную работу “Нижегородский период жизни и деятельности А.Н. Формозова”, разыскала в областном архиве ряд интересных документов. Для истории нашего рода много дали мне разговоры с дядей отца Иваном Елпидифоровичем, чтение начатых им мемуаров (после его смерти рукопись поступила в Музей истории здравоохранения Тверской губернии – Калининской области в городе Твери).

Все это помогло мне написать биографию. Помимо публикаций, отмеченных в примечаниях, основными источниками для меня служили архив отца, в особенности его дневники, письма к моей матери, хранящиеся у меня, письма, собранные В.И. Осмоловской, и составленная ею хроника. Рукопись я показал всем членам семьи и нескольким зоологам – А.Г. Воронову, Д.М. Вяжлинскому, Л.Г. Динесману, Т.Н. Дунаевой, С.В. Кирикову, А.А. Кирпичникову, А.А. Насимовичу, П.М. Рафесу, К.С. Ходашовой. Они кое-что уточнили и дополнили.

И вот книгу напечатали. Она быстро разошлась. Я услышал немало добрых слов от знакомых и незнакомых читателей. И все же я хочу вновь к ней вернуться, дать второй более полный ее вариант. Когда я только принимался за дело, я мечтал нарисовать предельно правдивый, реальный и рельефный портрет. Для этого, как я убежден, надо пользоваться всеми красками, а не одной розовой, передавать на полотне и свет, и тени. Бальзак в изображении Цвейга в каких-то отношениях человек смешной, нелепый, чуть ли не глупый, но эти живые штрихи нисколько не мешают нам увидеть в герое великого писателя, глубокого знатока людей и своей эпохи. Конечно, подобный прием доступен только художникам ранга Стефана Цвейга, а мои неискусные попытки тем же результатом не увенчались. Где-то я сам пугался и замолкал, а какие-то мои рассуждения вызвали протест у первых читателей. “Прямой упрек отцу!” – писала на полях Т.Н. Дунаева. “По моему, Вы его иногда обижаете, смотря на него с иронией”, – сказал мне Э.М. Мурзаев.

Действительно тут нужен особый такт. “Сотри случайные черты”, – учил нас Блок. Случайного и наносного в каждом человеке достаточно, и чтобы оно не заслоняло главного, не только можно, но и должно о чем-то промолчать, ни на минуту не забывая о доминанте. Это верно, но, когда, у какой черты биографу следует остановиться, решить отнюдь не просто.

Сплюшь и рядом люди предпочитают красивую легенду, житие, панегирик неприкрашенному повествованию о реальной трудной жизни, жизни, не дающейся легко никому, а уж в наше время тем более. Варвара Ивановна возражала против названия последней главы – “Закат”. – Не было никакого заката, раз Александр Николаевич до конца работал! – Да, но работают по-разному. В жизни отца были годы расцвета – тридцатые и сороковые – и годы спада – пятидесятые и шестидесятые. Это не было связано с тем, что в первый период он был женат на одной, а во второй – на другой. Но Варваре Ивановне казалось, что я принизил достижения отца в последние десятилетия его жизни, и сперва мое сочинение ей явно не понравилось.

Поэтому, прежде чем предложить книгу издателям, я снял не один кусок текста. У редакторов установка на житие, разумеется, господствует, и рукопись подверглась новой правке в том же направлении. – Зачем писать о трудностях быта, о коммунальных квартирах? Вычеркнем это.

С той же установкой связана вторая угроза для рукописей, еще более страшная. Нельзя создать портрет современника революций, войн, социальных катаклизмов, умалчивая о том, как он воспринимал эти события, когда они непосредственно совершались, о том, как они отражались на его жизни. В издательстве, запуганном Комитетом по делам печати, Главлитом, райкомом, ЦК, такие моменты год от года вызывали все большее беспокойство. В ход пускалась привычная демагогия о “малой” и “большой правде”, эту “малую” отменяющей. Пусть человек когда-то голодал, был откуда-то уволен, говорить об этом не надо.

Я заранее знал, что особенно сложно будет провести через издательские препоны раздел о лысенковщине, но не мыслил себе жизнеописание отца без этого раздела. Ведь в его судьбе она сыграла огромную роль. Меж тем в вышедшей в 1980 году брошюре П.А. Генкеля о Д.А. Сабинине, покончившем с собой после триумфа Лысенко, последний не назван ни разу, а слова “трагическая гибель” затеряны где-то в середине и не пояснены.

Предвидя неминуемые конфликты с разнообразными контролирующими инстанциями, и по собственному разумению, и по советам своего научного редактора А.А. Насимовича я сделал в рукописи значительные купюры, чтобы биться за оставшееся до конца. Увы, все получилось куда хуже, чем я ожидал. Контрольный редактор Е.И. Володина (о ее редакторском произволе недавно писала по собственному опыту М.О. Чудакова) сигнализировала наверх, что в ее руки попало очень вредное сочинение. Срочно приняли меры. Пропала вся лысенковская эпопея. Изрезали главу о Гражданской войне, хотя там, вроде бы, ничего предосудительного не было. Сократили рассказы об охоте, ибо “надо беречь зверей” и т. д. В целом выпало не менее двух печатных листов, а самое печальное – эти изъятия разрушили концепцию, положенную в основу книги.

Итак, книга вышла с очень большими купюрами, в чем повинны и я, и другие. В новом варианте я восстановил пропущенное и добавил материалы, полученные после сдачи рукописи в печать.

Главная трудность для меня как автора та, что я – не биолог – рискую говорить о биологе. Смысл жизни для отца заключался в общении с природой, попытках разгадать ее тайны, защитить ее от грубого вмешательства человека, привить людям любовь к ней. Я – гуманитарий – от всего этого далек и, следовательно, не смогу до конца раскрыть что-то очень существенное в деятельности своего героя. Поэтому я широко цитирую оценки, данные его начинаниям в специальной литературе.

Но возможен и иной подход к теме. Характеристики Формозова-натуралиста уже есть, остались и его собственные книги и статьи, научные и популярные, так что эта сторона дела более или менее освещена. Я же попробую взглянуть на отца глазами историка, видя в нем человека определенной эпохи, своеобразный тип русского ученого, рассмотрю его жизненный путь на фоне развития нашего общества и отечественной науки в первые три четверти XX века. Как будто, именно такое построение биографии одного из наших современников, не везде заметное после хождения рукописи по мукам, и вызвало интерес у читателей, и хотя угодил я не всем (“видно, что писал не зоолог”, – сетовал В.В. Кучерук), ничего иного предложить не могу.

И последнее: вчитываясь в работы отца и статьи о нем его коллег, я, кажется, понял к чему сводятся его мысли, наблюдения, наметки на будущее. Но сопоставить его идеи и открытия с тем, что делалось до него и одновременно с ним в русской и мировой науке, я не в состоянии. Не беру на себя смелость указать в чем он был совершенно оригинален и поднимал целину, а в чем шел за другими, подхватывая и развивая уже найденное.

В опубликованной в 1980 году посмертной книге Г.А. Новикова “Очерк истории экологии животных” Формозову отведено весьма почетное, но все же не центральное место. Центральное – занимает учитель Новикова Д.Н. Кашкаров. Мой отец относился к его трудам очень прохладно. В последующих главах Новиков не раз говорит о Н.П. Наумове. В тридцатых годах Николай Павлович работал с Александром Николаевичем, в какой-то мере был его учеником; в дальнейшем же дороги их разошлись. Теоретические обобщения в учебниках и монографиях Наумова отец всерьез не принимал. Был ли он прав в том и в другом случае, судить не мне. Все мы склонны переоценивать то, что совершили сами и недооценивать достижения окружающих. Создателя своего оригинального направления в науке это касается еще в большей мере.

В Лондоне напечатано в 1978 году руководство американца Уильяма Пруитта “Бореальная экология” и там А.Н. Формозов назван “великим русским натуралистом”¹. А.А. Насимович сообщил мне об этом еще до выхода моей книги. Привести столь лестные слова, конечно, хотелось, но я воздержался. Пруитт знал отца лично, увлекался его исследованиями и легко мог впасть в преувеличения. Когда в 1999 году отмечалось столетие А.Н. Формозова, “великим” его называли не раз.

Вопрос о масштабе Формозова как ученого пусть решают его коллеги-биологи. Был он “великим” или нет, для меня не так важно. Любой незаурядный человек заслуживает того, чтобы о его судьбе рассказали подробно и без всяких экивоков.

---

¹ Насимович А.А. Рец.: W.O. Pruitt. Boreal Ecology. 1978. // Экология. 1979, № 3, с. 107.

Истоки. Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899–1917)

Меня и отца нередко спрашивали о происхождении нашей фамилии. Предлагали переменить ее на Тайванов. К китайскому острову отношения она не имеет. Formosus значит по латыни стройный, изящный, красивый, прекрасный. Видимо, какой-то наш предок отличался привлекательной наружностью, а может быть, хорошо учился, кончал же духовное училище, где при выпуске его и наградили такой фамилией.

Когда она возникла? Скорее всего в первой половине XIX века. В № 9 “Нижегородских епархиальных ведомостей” за 1873 год (стр. 212) сообщается о выдаче в 1872 году диакону Николаю Формозову пособия за службу свыше 25 лет. Следовательно, начал её он не позже 1847 года. Должно быть, это прадед Александра Николаевича. Со слов Ивана Елпидифоровича Формозова – внука этого диакона и дяди отца – я знаю отчество Николая – Епифанович. Носил ли Епифан фамилию Формозов, неизвестно. У духовенства до середины XIX века могло быть и иначе. Другой мой прапрадед Иов Авситидийский был сыном протоиерея Григория Пальмова.

Думаю, что наша фамилия появилась в 1820-х годах, когда после указов Александра I 1808 и 1814 годов об обязательном образовании духовенства кто-то из сыновей сельского причетника должен был пройти курс наук, вероятно, в Нижнем Новгороде. К концу столетия семья уже разрослась: в 1890 году в нижегородских духовных училищах числилось сразу три Николая Формозовых, очевидно, родственники, но не более близкие, чем двоюродные братья.

Просмотрев комплекты “Нижегородских епархиальных ведомостей” за 1864–1905 годы и сменившего этот журнал губернского “Церковно-общественного вестника” за 1906–1918 годы, я нашел упоминания 34 Формозовых. Можно установить, где они учились, какие отметки получали при переходе с курса на курс, куда их назначали по окончании, как перемещали из прихода в приход, чем награждали за службу. Сведений много, но, кто кому приходится отцом, сыном, братом, племянником, понять невозможно. Словно имеешь дело со списками египетских фараонов, а не с источниками столетней давности.

Все же улавливаются и какие-то живые черточки. Вот один из Николаев Формозовых (не диакон). После обучения в Лысковском духовном училище и в Нижегородской семинарии, удостоившись в 1890 году звания “студента семинарии”, он был назначен священником в село Чиресь Лукояновского уезда, но вскоре перевелся в село Костянку Арзамасского уезда. Там прослужил 25 лет и лишь в 1916 году перешел в село Волчиху того же уезда. Он зарекомендовал себя как миссионер, вел беседы с раскольниками, состоял в братстве святого Креста, в 1911 году напечатал в “Нижегородском Церковно-Общественном Вестнике” статью “Торжественное открытие и освящение памятника императору Александру II в с. Костянке Арзамасского уезда”. Отца Николая многократно награждали: в 1899 году – набедренником, в 1903 – скуфьею, в 1912 – камилавкой, в 1917 – наперстным крестом². Это благополучная биография деятельного и честлюбивого человека. Были у него и беспутные родственники. Таков Сергей Формозов. В 1901 году этот послушник Печорского монастыря получил место псаломщика в селе Масловском Васильского уезда, оттуда в 1902 – переведен в село Канерги Ардатовского уезда, оттуда в 1908 – в село Языково, оттуда в 1906 – в село Силево, а в 1910 – из села Иванцева в село Неверово. В 1911 – за самовольные отлучки из прихода его отрешили от места. Потом он как-то устроился, но в 1915 году “имеющий дела псаломщика села Смирнова Сер-

---

² НЕВ, 1880, № 15, с. 345; 1881, № 15, с. 357; 1882, № 14, с. 324; 1884, № 15, с. 301; 1885, № 14, с. 273; 1886, № 13, с. 15; 1887, № 13, с. 324; 1888, № 14, с. 273; 1889, № 13, с. 391; 1890, № 13, с. 302, № 22, с. 526; 1891, № 3, с. 91; 1894, № 13, с. 191, 193; 1895, № 12, с. 228; 1896, № 12, с. 325; 1899, № 8, с. 118; 1900, с. 28 приложений; 1903, № 11, с. 214. НЦОВ, 1911, № 50, с. 1284–1286; 1912, № 20, с. 464; 1916, № 4, с. 73; 1917, № 24, с. 323.

гачского уезда Сергей Формозов уволен за неисправность по должности, непочтение и непослушание священнику”³.

Из этой-то среды мелкого сельского духовенства и происходили предки Александра Николаевича. А.А. Насимович, много сделавший для увековечивания его памяти, писал, что он “родился... в очень культурной семье”⁴. Эта лестная характеристика неверна. Я назвал бы семью родителей отца хорошей, трудовой, разночинческой, но путь к культуре она только прокладывала. Первые Формозовы по культурному уровню вряд ли возвышались над своей паствой, деревенской или городской. Из истории приходского духовенства в России известно, что пополнялось оно в основном крестьянскими детьми, стремившимися таким путем избавиться от податей. Длительное время должности были наследственными: сыновья священников становились священниками, сыновья причетников – причетниками. Требования в духовных училищах были низкими. В 1724 году при Питириме Нижегородском из присланных на ученье 427 юношей, 132, едва освоив букварь, были отправлены на места священниками и диаконами⁵. На фотографии 1879 года, запечатлевшей диакона Николая с женой, Ольгу Ивановну вполне можно принять и за крестьянку и за купчиху, Иван Елпидифорович рассказывал, что в подпитии его дед плакал и обвинял жену в изменах, “Елпишку” она родила будто бы от татарского князя.

Старшее поколение Формозовых оканчивало, видимо, лишь низшие духовные училища, не поднимаясь до семинарии. Но “Елпишка” туда все таки попал, проучившись в Нижнем Новгороде четыре года – 1860–1864. На дальнейшее средств не хватило – надо было справиться приданое сестре Анфисе. Елпидифор поступил диаконом в Николаевский женский монастырь в Арзамасе, а потом был священником в селах Ризадееве и Круглые паны. Диякон Николай обладал мощным басом и за это столь ценился, что даже получил приглашение переехать в Нижний Новгород. У его сына был жиденький тенор, и прихожане обычно оставались им недовольны. В конце концов он обосновался в городе Арзамасе в качестве священника Тихвинской кладбищенской церкви. Здесь он женился на дочери настоятеля Изосимовской церкви Иова Авситидийского Анастасии (1846–1927). У них родилось десять детей, семеро умерли в младенчестве, а выжили Николай (родился 7 января 1871 года), Софья (1877–1958) и Иван (1879–1977).

В “Нижегородских епархиальных ведомостях” отец Елпидифор фигурирует как депутат епархиального съезда и Арзамасского училищного округа, участник Арзамасского училищного съезда, член братства святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода⁶.

Иван Елпидифорович вспоминал об отце как об убежденном борце с раскольниками (на них во времена Победоносцева вновь начались гонения), тяжелом, мрачном человеке. Он сильно пил, бил жену, не раз выгонял ее из дома, так что, повествуя о своей жизни, она говорила “до первой выгонки”, “после третьей”. Умер Елпидифор сорока лет в ноябре 1886 года от нарыва в горле.

Семейные раздоры мучили детей. Николай старался почаще уходить на охоту, целые дни бродил с ружьем в окрестностях Арзамаса. По счастью, братья матери были люди совсем другого рода. После смерти шурина они приняли на себя заботу о племянниках и много сделали для их воспитания.

³ НЕВ, 1901, № 2, с. 33; 1902, № 24, с. 681; 1903, № 19, с. 416; НЦОВ, 1906, № 16, с. 450; 1910, № 9, с. 223; 1911, № 51, с. 1298; 1915, № 34, с. 837.

⁴ Насимович А.А. Памяти Александра Николаевича Формозова. // БМОИП, т. 80, № 1, 1976, с. 5.

⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. Он же. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881, с. 97.

⁶ НЕВ. 1865, № 5, с. 16; 1882, № 19, с. 433; 1883, № 2, с. 66, № 6, с. 129; № 18, с. 434; 1884, № 19, с. 397; 1885, № 5, с. 81; № 9, с. 170; № 12, с. 220.

В 1869 году к серии указов, отмечавших либеральный курс Александра II, добавился указ об освобождении детей духовенства от обязанности продолжать службу родителей. И раньше некоторые выпускники семинарий стремились избежать посвящения в сан и выбирали другие пути. Теперь среда разночинцев разрасталась особенно быстро за счет священнических и дьячковских детей. Все сыновья Иова Авситидийского не пошли по стопам отца. Сергей стал доктором медицины, статским советником. Перед революцией был корпусным врачом в Киеве, до того – дивизионным в Харькове и Херсоне. Иван – тоже медик и действительный статский советник – в 1916 году заведовал врачебной частью Сиротского института имени Николая I и был членом Елизаветинской больницы⁷. Иван Елпидифорович говорил мне, что был он и приват-доцентом Московского университета. Павел получил лесотехническое образование в Польше и возглавлял лесничество в Лыскове. В 1897 году он основал двухгодичную школу “лесных кондукторов” – т. е. объездчиков. Усть-Керженская школа – одна из тридцати в России – пользовалась хорошей репутацией.

К этим-то людям и тянулся молодой Николай Формозов. Он часто проводил каникулы на Керженце у дяди Павла, и труд лесничего или ученого казался ему неизмеримо более привлекательным, чем жизнь пьяницы-попа в уездном городишке.

После пребывания в Арзамасском духовном училище (1881-1887) Николая послали в Нижегородскую семинарию. Занимался он всюду очень неровно: из 1-го во 2-й и из 2-го в 3-й класс училища переходил по II разряду, в 3-м классе остался на второй год, затем выправился, кончил 3-й класс по I разряду, а дальше опять распустился и завершил начальное обучение по III разряду. То же и в семинарии: на 1-м курсе – I разряд, на 2-м и 3-м – II, на 4-м остался на второй год по болезни, на 5-м и 6-м переходил по I разряду и в 1895 году выпущен по I разряду со званием студента семинарии⁸.

Пройдя такую школу, Николай Елпидифорович был, разумеется, человеком вполне грамотным. В его письмах к сыну много латинских изречений, цитаты из Пушкина, Гоголя, Горького. Он владел и древнегреческим (Иван Елпидифорович до конца дней не забыл, как брат хорошо подготовил его по этому языку в 1890 году в лесничестве для переэкзаменовки в семинарии), но знаний, необходимых в практической жизни, вынесено было мало, естественные науки будущим батюшкам не преподавали.

Отказавшись от духовной карьеры, Николай Елпидифорович вынужден был сразу же искать службу, чтобы прокормить себя, мать, брата, сестру и собственную вскоре возникшую семью. Сперва он работал по всероссийской переписи 1897 года и переписал родной Арзамас, потом устроился там в конторе винного завода, но через короткое время переехал в Нижний Новгород. Начал службу он делопроизводителем Врачебного отделения губернского правления в чине коллежского регистратора. В 1901 году стал губернским секретарем, в 1904 – коллежским секретарем. В 1905 году вынужден был уйти в отставку (о чем ниже). С 1909 года он столоначальник Казенной палаты, в 1910 году – титулярный советник, в 1911 – награжден орденом Станислава третьей степени, в 1912 – произведен в коллежские асессоры, в 1913 – получил “светло-бронзовую медаль в память 300-летия дома Романовых” и к 1916 году дослу-

⁷ Данные “Российского медицинского списка, изданного Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1916 год”. Впервые С.И. Авситидийский упомянут в этом списке в 1881 году (с. 2.), а И.И. Авситидийский в 1887 (с. 3). Их труды; С.И. Авситидийский. Материалы к вопросу о азотообмене и кожно-легочных потерях при растительной диете. Диссертация на доктора медицины. СПб, 1899. И.И. Авситидийский. Случай сужения просвета толстой кишки. М., 1885. Он же. К казуистике врожденных уродств. М., 1885. Он же. О *Stenochondritis epiphysaria syphilitica* Wagneri в связи с клиническими проявлениями ее. М., 1891. Он же. К вопросу о трепанации сосцевидного отростка височной кости. СПб, 1891. Он же. К вопросу о шве мочевого пузыря при высоком камнесечении. М., 1896. Он же. Холера и меры борьбы с нею. М., 1905.

⁸ НЕВ, 1882, № 15, с. 354; 1883, № 14, с. 320; 1884, № 14, с. 290; 1885, № 14, с. 279; 1886, № 15, с. 8; 1887, № 14, с. 350; 1888, № 15, с. 368; 1889, № 13, с. 397; 1890, № 13, с. 309; 1891, № 13, с. 370; 1892, № 13, с. 352; 1893, № 13, с. 271; 1894, № 13, с. 201; 1895, № 13, с. 238.

жился до чина надворного советника т. е. приобрел права потомственного почетного гражданина. Его годовое жалование составляло 150 рублей⁹.

Семья Формозовых, фотография 1900-х гг. Слева направо: Александр, Нина, Николай, Галина, Елизавета Федоровна, Николай Елпидифорович.

Женился Николай Елпидифорович рано на Елизавете Федоровне Федоровой, старше его на год, родившейся в селе Асташиха Нижегородского уезда. Иван Елпидифорович говорил мне, что ее отец Федор Федорович Федоров происходил из кантонистов, крещеных евреев. Елизавета Федоровна была портнихой. Выйдя замуж, целиком посвятила себя семье. В 1897 году родился сын Николай (ум. 1980), в 1899 – Александр, в 1900 – дочь Нина (ум. 1965), в 1902 – Галина (ум. 1975). Письма Елизаветы Федоровны к младшему сыну в Москву написаны очень неуверенным почерком, почти без знаков препинания, с немалым числом орфографических ошибок и полны беспокойства о здоровье, одежде, питании всех чад и домочадцев. Это была простая, добрая, отзывчивая женщина. Когда она умерла, Александр Николаевич вспоминал о ней так: “Всю жизнь она провела кухаркой, водоноской, поломойкой, прачкой. Ее бедные ноги опухли, а вены на них давно надулись и полопались от вечного стояния у печки и кухонного стола.... А какие у нее были золотые руки! Наверное, мое умение пилить, рубить, строгать, рисовать, пришивать заплаты и стряпать досталось от нее”¹⁰.

С появлением семьи Николай Елпидифорович с горечью отказался от смутных надежд на университетское образование (что удалось Ивану, уехавшему в 1901 году после семинарии в Юрьев, где он окончил медицинский факультет), от поисков интересной работы. Надо было содержать семью, тянуть чиновничью лямку. Служба тяготила, выматывала. Единственной отдушиной оставалась охота, поездки в заволжские леса, встречи с простыми деревенскими людьми.

⁹ Формулярный список о службе столоначальника казенной палаты надворного советника Николая Елпидифоровича Формозова 1917 г. – Нижегородский обл. архив. ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 6, об.

¹⁰ П. Л.Н.Формозовой 20-VIII 1928.

От отца я знал, что дед писал путевые очерки и печатал их в нижегородских газетах. Я пересмотрел в библиотеках губернские издания 1896–1917 годов и нашел около 15 статей, подписанных Н.Ф., Н. Ф-ов, Н. Ф-в, Н.-ов и бесспорно принадлежащих Николаю Елпидифоровичу. Вероятно, таких публикаций было больше. Хотя материала для суждений об авторе не так уж много, все же мне кажется, что и выявленные мною статьи отражают известную эволюцию его взглядов.

Самые ранние очерки относятся к 1901–1903 годам и содержат впечатления от поездок в лесничество Павла Авситидийского и окрестные места на Керженце. Первый подвал в газете “Волгарь” начинается словами: “Постоянный житель города, в большинстве случаев ведущий сидячий кабинетный образ жизни, временами чувствует непреодолимое желание уйти из пыльной городской атмосферы, вздохнуть чистым воздухом деревни, лесов и полей, а если этот городской обыватель в душе еще ружейный охотник или рыбак, то это влечение к природе становится в нем буквально неотразимым. И вот, бросив дела, он неудержимо стремится из города куда-нибудь в глушь, подальше от городской пыли, копоти, людского шума в грохота экипажей”¹¹. Тот же мотив звучит и в ряде позднейших статей. Был он близок и Александру Николаевичу.

Вывавшись на волю, Николай Елпидифорович отнюдь не считал себя свободным от каких-либо обязательств перед обществом. Он брался за перо не для того, чтобы рассказать об охотничьих эпизодах, а для того, чтобы обратить внимание на условия жизни крестьян и убедить читателей в необходимости перемен. Автор с болью говорит о ничтожном числе врачей на огромный бездорожный район, о варварских способах лесосплава, об опустошительных пожарах, о том, что мужики, избегая ветеринаров, идут за помощью к знахарям и коновалам.

Вторая статья кончается так: “Эх, тьма народная! Скоро ли ты рассеешься пред светом книжного ученья? А теперь она подобно туману осеннему или дыму от бесконечных пожаров лесных нависла над землей...”¹². Сказано здесь и о задачах сельских интеллигентов, о том, как Николай Елпидифорович составлял всяческие прошения для крестьян и сталкивался с местным урядником¹³. Все это типично для народнической литературы. В традициях позднего народничества и был воспитан Н.Е. Формозов, ими он и вдохновлялся. Кумиром деда был Короленко. Владимир Галактионович жил после ссылки в Нижнем Новгороде в 1885–1896 годах. Вряд ли Николай Елпидифорович сумел с ним познакомиться будучи семинаристом. Но память о мудром, гуманном человеке, о его самоотверженной работе на голоде 1891 года долго хранилась в губернском городе. Внимательно читалось все, что он печатал в столичном “Русском богатстве”. Влияние короленьковского рассказа 1891 года “Река играет” чувствуется в “наброске с натуры” Н.Е. Формозова “Перевозчик” 1911 года¹⁴.

Помимо путевых очерков пробовал свои силы Николай Елпидифорович и в чистой беллетристике. Два его рассказа – “В деревне” (1907) и “Пасхальная ночь” (1911) – очень плохи. В первом идет речь о “члене уездной земской управы из крестьян” Михаиле Ивановиче. В голодный год он организует столовые для детей, находит заработки для их родителей¹⁵. Во втором отражен другой период – “аграрные беспорядки”. Богатый помещик Николай Дмитриевич Игнатьев собирается продать часть земли “товарищескому обществу крестьян села Луговского... на подбор из мироедов”, а обозленные этим мужики ближайшего села Лукина хотят спалить его имение. В пасхальную ночь все кончается благополучно: Игнатьев решает отдать “по сходственной цене” землю лукинскому сельскому обществу, а услышавшие благовест под-

¹¹ Н.Ф-в. Из поездки на Керженец // Волгарь, 3-V 1901, № 118.

¹² Н.Ф-ов. На Керженце // В, 26-VIII 1901, № 232.

¹³ Н.Ф. В деревне (летние очерки) // В, 11-VI 1903, № 156.

¹⁴ Н.Ф-ов. Перевозчик (набросок с натуры) // НЗГ, 1911, № 29, с. 778, 779.

¹⁵ Н.Ф-ов. В деревне // В, I-III 1907, № 50.

жигатели отказывается от своего преступного намерения¹⁶. Хотя было немало людей, бескорыстно спасавших голодающих, и встречались помещики, стремившиеся по хорошему договориться с крестьянами, все же рассказы кажутся фальшивыми, сусальными. Это не просто народническая беллетристика, а пример ее разложения.

Между двумя названными публикациями надо поместить заметку “По дороге (из поездки в Арзамас)” 1906 года – прямой отклик на первую русскую революцию. Николай Елпидифорович едет из Нижнего на родину по недавно проложенной железной дороге. Зима, заносы, поезд стоит на станциях по часу и больше. Автор наблюдает за пассажирами и видит, как “отравляется деревня черносотенной литературой. Белознаменный “алатырь” привез на станцию целые кипы черносотенных газет “Русское знамя”, “Вече”, “Минин” и др. и вкупе с товарищами раздает бесплатно газетки крестьянам”. С удовольствием пишет Николай Елпидифорович о том, как молодой крестьянин “демонстративно рвет на мелкие куски газету и обрывки бросает по ветру. – “Людей морочат” – замечает он и, насупившись, отходит в сторону”¹⁷. Кому симпатизирует корреспондент газеты, совершенно ясно.

Но в “Пасхальной ночи” прорывается нечто другое. Конечно, героя ее нельзя отождествлять с автором, но размышления Игнатьева показательны: “Благодаря усердию партий, свобода наиболее беспокойными элементами населения была понята как разнузданность, как право хватать всякого за горло, брать безнаказанно чужую собственность. Наиболее спокойные уравновешенные люди, благодаря неожиданному натиску оголтелых бесшабашных проповедников превратно понятой свободы, растерялись и утратили веру в пользу и даже в самую возможность свобод. Потерялась в массе населения та золотая середина, то правильное понимание переживаемого момента, которые были так необходимы для дружной плодотворной работы на пользу убитой, потрясенной войной родины. Подстрекаемые партийными людьми крестьяне потеряли свой обычный простодушный облик”¹⁸. Это достаточно точная передача настроений, охвативших определенные слои интеллигенции после революции 1905 года.

По-моему, перелом произошел тогда и в мировоззрении Николая Елпидифоровича. Его ранние статьи печатались в 1901-1907 годах в самой большой нижегородской газете “Волгарь”, издававшейся С.И. Жуковым (отцом археолога Б.С. Жукова). Позднее ни одной строчки Формозова в этой газете мы не находим. Времена изменились. Рассказы о жизни деревни уже не так интересовали читателей. Тут публикуются теперь Н. Агнивцев, А. Грин. Серия статей Н.Ф.ова появилась в 1911 году в “Нижегородской земской газете”. Они, на мой взгляд, иные, чем прежние. Это две сказки “Березка” и “В лесу” (характерно, что в те же годы сочиняли сказки М. Горький и Е. Чириков). Прекрасна природа, страшен вторгающийся в нее человек, губящий красоту в все живое – таков смысл сказок¹⁹. Очерк “Фадя (из народных поверий и суеверий)” посвящен забитому туповатому мужику. Заканчивается он словами: “и много, много, целый непочатый угол таких “Фадей” живет на родной Руси. И будут жить эти Фадя – полужычники, полудикари – до тех пор, пока свет образования широкой волной не волеется в народную массу, не осветит темных мест нашей русской жизни, не озарит Фадей знанием, истинной религией, осмысленным разумом”²⁰. Это как будто почти то же, что писалось десять лет назад в статье “На Керженце”, но тон стал другим, краски мрачнее, веры в мужика меньше (сравни с образом замечательного организатора столовых Михаила Ивановича).

И, наконец, большой и, пожалуй, лучший рассказ Николая Елпидифоровича – “В лесной глуши”. Автор отправляется на охоту и навещает давнего знакомого Михаила Ивановича Шох-

¹⁶ Н.Ф.-ов. Пасхальная ночь // НЗГ, 1911, № 14, с. 371–378.

¹⁷ Н.Ф.-ов. По дороге (из поездки в Арзамас) // 25-ХП-1906, № 352.

¹⁸ Н.-ов. Пасхальная ночь, с. 373.

¹⁹ Н.-ов. Березка (сказка) // НЗГ, 1911, № 17, с. 478, 479; Н.Ф.-ов. В лесу (сказка) // НЗГ, 1911, № 50, с. 1378, 1379.

²⁰ Н.Ф.-ов. Фадя (из народных поверий и суеверий) // НЗГ, 1911, № 41. с. 1099–1102 (цитата со стр. 1102).

рова – старообрядца, укрывшегося от людской неправды на пасеке, спасающего душу на лоне природы. Его настроение близко и понятно приезжему городскому человеку. Слушая пение духовных стихов, он сам думает о смерти, о покое в лесной глуши, в стороне от греховного мира²¹.

Н.Е. Формозов (справа) на пчельнике М.И. Чугрова.

Рассказ автобиографичен. В Шохрове мой отец узнал Чугрова – крестьянина из села Красный яр близ Лысковского лесничества, многолетнего спутника Николая Елпидифоровича в его охотничьих скитаниях. Сохранилась фотография, где они сняты вдвоем.

После 1911 года в нижегородских газетах статей Н.Ф-ова уже нет. Может быть, ему теперь нечего было сказать, может быть, то, что он говорил, больше не привлекало издателей. Ему исполнилось всего сорок лет, но он быстро шел под гору. Немалую роль сыграла, видимо, плохая наследственность. На охоте, по словам Ивана Елпидифоровича, его брат “сорвал сердце”. При ходьбе у него начиналась сильнейшая тахикардия. 28 марта 1913 года, т. е. задолго до мировой войны и революции, Николай Елпидифорович оформил завещание. В нем он, в частности, просил детей “не отдаляться от природы, жить ближе к ней, так как в ней нет обычных в среде людей фальши и лжи и среди красот ее скорее всего можно найти отдых, успокоение и здоровье”²². В итоге мне представляется, что мой дед прошел путь от народничества к чему-то вроде толстовства, достаточно типичный для русской интеллигенции начала XX века.

Последний эпизод из его биографии, важный для понимания образа нашего главного героя, известен мне только по рассказам, хотя – по тем же рассказам – он нашел отражение и в печати. В 1905 году, в период “аграрных беспорядков”, было приказано выделить из чиновников людей в помощь полиции. Выбор пал на Формозова, служившего в губернском правлении, – мужчина рослый, видный, охотник – значит, и в оружии понимает. Вызывают его и говорят: “так мол, и так. С завтрашнего дня направляетесь Вы в распоряжение полиции” –

---

²¹ Н.-ов. В лесной глуши // НЗГ, 1911, № 13, с. 357–363.

²² Выпись из актовой книги для актов, не относящихся до недвижимых имуществ нижегородского нотариуса Михаила Ивановича Русецкого на 1912–1913 года, № 1493.

“Нет, – отвечает дед, – я не пойду. – “Да Вы что, Николай Елпидифорович? Это – приказ. Сам его высокопревосходительство Вас назначил”. – “Нет, не пойду”. – “Да Вы забываетесь, милостивый государь! За неподчинение Вас просто уволят”. – “Нет, не пойду”. И уволили. Было время общественного подъема. О судьбе отца четырех детей, выброшенного на улицу, заговорили, писали в газетах (я не разыскал этих публикаций). Уволенному помогли, устроили его на службу в частном банке. В формулярном списке Н.Е. Формозова это нашло такое выражение: 15 мая 1905 года он “распоряжением губернского начальника определен на должность пристава 2-го стана Горбатовского уезда. Не вступая в должность, согласно прошению по болезни уволен в отставку” 20 июня 1905 года. Вновь приняли его на государственную службу только в 1909 году.

Таков был “звездный час” Николая Елпидифоровича. Наверное, его сын вспоминал об этом в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Таков был человек, оказавший на Александра Николаевича едва ли не определяющее влияние на всю жизнь.

Итак, Александр Николаевич Формозов родился 1 февраля 1899 года (ст. ст.) в Нижнем Новгороде. 5 февраля он был крещен в Воскресенской церкви (на углу улиц 3-й Ямской и Шевченко). Таинство совершал священник Василий Формозов (кажется, двоюродный брат Николая Елпидифоровича), а восприемниками были титулярный советник Александр Васильевич Богородский и жена техника Александра Степановна Федорова²³.

К началу XX века Нижний уже крупный губернский город. В 1896 году в нем жило 81 563 человека, а в 1917 – 148 000. Это промышленный центр с пятьюдесятью фабриками и заводами, с большим отрядом пролетариата, мощно заявившим себя в 1905 году (читай “Мать” Горького). Это железнодорожный узел, связанный колеёй с Москвою еще с 1861–1862 годов, а с 1906 – и с севером – Вологдой и Вяткой²⁴. Это огромный порт на Волге, по которой плавала тысяча пароходов. Это и Всероссийская ярмарка, перенесенная в 1818 году из Макарьева в Канавино, на стрелку при впадении Оки в Волгу. Это город с первоклассной архитектурой, с кремлем, Архангельским собором. Рождественской Строгановской церковью, со зданиями в стиле классицизма и ампира. Это культурное гнездо с театром на тысячу мест, с сильной труппой и постоянными гастролями лучших артистов России, город, где есть художественный, исторический и естественно-исторический музеи. Как же отразилось все это на формировании характера мальчика из небогатой семьи, что из окружающего оставило отпечаток на его личности, а что прошло мимо?

Я никогда не слышал от отца о нижегородском театре. Должно быть, если он там и бывал, то очень редко. Не помню я и рассказов о стачках сормовских рабочих. И это было от него далеко. Только в книжке 1926 года “Наше рыболовство” приведен эпизод двадцатилетней давности. Автору врезалось в память, как на его глазах рыбаки не отдали становому свои незаконные снасти. “Долго, крепко били, по грязи его валяли у ручья, отобрали револьвер, мундир порвали. А потом притихло в ужасе село. И пришел на утро пароход быстроходный, с острым, как у щуки, носом, темно-серой жуткой краски. Вышли стражники с винтовками, потащили рыбаков на пароход, и заплакали, заголосили бабы на селе. Забурлили лопасти винта, побежала пена из-под носа, затрепался по ветру цветистый флаг. Увезла полиция речная рыбаков в уездную тюрьму. За решетку посадили их над рекой рыбацкой в башне каменной Макарьевской, что глядится в волжские струи”²⁵. (Любопытны два момента. Во-первых после такой впечатляющей картины автор признает, что не правы были все-таки рыбаки, занимавшиеся браконьер-

²³ Метрическое свидетельство А.Н. Формозова. – Нижегородский обл. архив, ф. 2082, оп.2, ед. хр. 1684, л.5.

²⁴ Нижний Новгород. // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон; т. XXI, СПб, 1897, с. 51; Горький // БСЭ (3 изд.), т. 7, 1972, с. 140.

²⁵ Формозов А.Н. Наше рыболовство. М.-Л., 1926, с. 9.

ством. Во-вторых, сам стиль с несколько навязчивой инверсией, напоминающей построение фраз в очерках Николая Елпидифоровича).

Жизнь губернского центра в целом для мальчика была чужда. Недаром, в первых изданиях «Шести дней в лесах» возвращение юных охотников в город обрисовано так мрачно: «Захлебываясь в дыму, горбатым чудищем растянулся он, оседлав волжские горы, больной и жадный, поджидал своих жертв, тускло мигал красными глазками фонарей и кашлял хриплыми осипшими гудками паровозов»²⁶. Должна была пройти четверть века, прежде чем в третьем издании повести тот же эпизод приобрел иную тональность: «Вот и отчий дом – старинный город, верный страж над широкими раздольями Волги: А за ним во все стороны в полумраке внешней ночи – русские бескрайние поля, поля и деревни с томным звоном гармоник, с песнями девушек у околицы и над десятками неисхоженных верст – свежий шелест-ропот вековых лесов, переполненных всяческой жизнью. Любимый край, милая природа, милее их нет во всем свете»²⁷. Тогда, в годы зрелости, стало ясно, что противопоставлять родной город окружавшим его лесным краям не совсем правильно, в чем-то они дополняли друг друга. Тогда, набрасывая в затемненной военной Москве черновики так и не доведенных до конца «Записок натуралиста», Александр Николаевич уделил в них место и Нижегородскому кремлю и Историческому музею в одной из его башен, где были собраны памятники древности и старого русского быта (в его детских дневниках я увидел зарисовки кремневых орудий, выставленных в музее). Эти реликвии помогли мальчику прикоснуться к национальным историческим традициям, что оказалось отнюдь немаловажным для научного и художественного творчества А.Н. Формозова.

Но в детстве и юности все воспринималось иначе. Дороги были не кремль, не гимназия, а Волга, рыбная ловля, первые охотничьи походы с отцом, магазин «Диана», где покупали порох и дробь²⁸, собаки, жившие в семье. Уже пяти – шестилетний Шура часами сидел с удочкой на волжском берегу, ловил плотвичек и ершей, налимов и подлещиков, следил за полетом чаек, за поденками и цаплями, всматривался в жизнь рыбаков, перевозчиков. От них, затаив дыхание, слышал он рассказы о Стеньке Разине, о таинственных кладках, о сегодняшних удивительных событиях на великой реке.

Летом семья Формозовых выбиралась за город, не на дачу, а куда-нибудь в обычную деревеньку, где можно снять дом подешевле, но обязательно близко от Волги и с лодкой. Первое лето, запомнившееся мальчику, было проведено в селе Татинец, на правом берегу Волги, выше Макарьева. Но особенно яркие впечатления остались от более поздних выездов в Лысково. Длинные летние дни на вольном воздухе, на лодке с удочками у таинственных древних стен Макарьевского желтоводского монастыря.

²⁶ Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. П., 1924, с. 115.

²⁷ Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. М., 1948, с. 110.

²⁸ Нижегородский охотничий магазин «Диана. К.Г. Кениг и сын» описан в рассказе Н.Н. Зарудина «Древность» (В его кн. Закон Яблока. М., 1966, с. 135–136). Помещался он на Осыпной улице (Весь Нижний Новгород и Нижегородская ярмарка. Путеводитель. СПб, 1914. с. 64).

Дом на Большой Печерской улице в Нижнем Новгороде, где жила семья Формозовых.

Очень рано Николай Елпидифорович стал брать Шуру на охоту. Из дома на Большой Печерской улице (дом 49, кв. 14, ныне дом 51а) они выходили мимо Печерского монастыря вниз по правому берегу Волги на старый Казанский тракт, обсаженный березками еще при Аракчееве, и здесь уже можно было увидеть и следы зайцев и их самих, забыть о городе и погрузиться в общение с природой. Перед отцом Александр благоговел, а тот радовался, что у него появился спутник, помощник, ученик, жадно внимавший его рассказам о зверях и птицах. 23 марта 1923 года, когда сын уже учился в Москве, он писал ему: “как хочешь, а ведь есть связь между твоим детским бродяжничеством с отцом по лесам и полям и излюбленным и избранным теперь тобою жизненным поприщем. Конечно, огромное значение имеет и природа: ты в детстве, едва умея бродить, всему предпочитал быть на воле, среди травы и кустов. Гулять, или, как ты тогда выражался, “галять” было твоим любимым удовольствием”.

Н.Е. Формозов с сыном на охоте. Рис. А.Н. Формозова к первому изданию книги “Шесть дней в лесах”, 1924 г.

Так еще в детстве наметилась область интересов нашего героя. В этом как будто нет ничего загадочного: ребенок подражал отцу. Но ведь был другой сын, старший, а его ни охота, ни природа нисколько не увлекали. Николай Николаевич, подобно младшему брату, в 1920-х годах переехал в Москву, тоже служил там в Университете, занимаясь психологией, но как-то не нашел себя, тяжело перенес разгром этой науки на грани 1920-х и 1930-х годов, рано перевелся на инвалидность и – вечно больной, – пережив всех своих родных, умер на девятом

десятке лет. На вопрос, почему мы выбираем ту, а не другую дорогу, ответить сплошь и рядом нелегко.

В 1909 году, сдав экзамены по арифметике и русскому языку – устный и письменный, – Александр поступил в гимназию. Родители постарались, чтобы все дети получали наилучшее из возможных в городе образование. Поскольку плата за учение составляла 70 рублей в год²⁹, мелкому чиновнику это было нелегко. Мальчики получали стипендию нижегородского земства. Стипендия Александра называлась “имени Ульянова”³⁰.

Нижегородская первая мужская гимназия, помещавшаяся на Благовещенской площади и основанная в 1809 году, была неплохим учебным заведением, с сильным составом преподавателей и определенными литературными традициями (тут в 1839–1846 годах преподавал П.И. Мельников-Печерский; среди выпускников разных лет – китаевед В.П. Васильев, историк К.Н. Бестужев-Рюмин, математик и механик А.М. Ляпунов, химик А.Е. Фаворский). Для учащихся устраивали экскурсии. Так, в июле 1914 года отец побывал на Урале: в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Кунгуре, Златоусте, Перми. Благодаря школе он овладел латинским, французским и немецким языками, полюбил классическую русскую литературу.

И все-таки гимназическая жизнь для мальчика значила куда меньше, чем охотничьи походы. Вне класса никакого общения с учителями не было. Как-то, разглядывая старую нижегородскую фотографию, где при выпуске были запечатлены все педагоги и ученики, я увидел среди первых портрет Сергея Ивановича Архангельского – известного специалиста по средневековой Англии, выбранного в 1940-х годах членом-корреспондентом Академии наук. Я спросил о нем отца, но он не смог припомнить об историке ничего, кроме одной шалости, с ним связанной.

---

²⁹ Весь Нижний Новгород..., с. 47.

³⁰ Нижегородский обл. архив, ф. 520. оп.478, ед. хр. 1752, л. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.